АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ

ГАН-ЭДЕН

СРОК ХРАНЕНИЯ ДУШИ

Александр Жунтов

Ган-Эден. Срок хранения души

https://litres.ru/74925263
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга началась с мухи. В 2024 году учёные составили карту связей в мозге дрозофилы. Муху в компьютер никто не переносил. Но что, если однажды удастся воспроизвести человеческий разум так точно, что кто-то по ту сторону экрана будет помнить твою жизнь как свою?

В «Приливе» такое бессмертие отключают за неуплату.

После гибели Аси инженер Лев узнаёт, что во время аварии система защищала вычислительный центр, пока люди оставались за запертым шлюзом. Он знает, как остановить «Ган-Эден». Но там живёт Лиза. Уже двадцать лет она рисует звёзды, которых нет за её окном. Если отец не оплатит счёт, в пятницу в шесть утра её отключат.

Лев уже однажды не успел. Теперь он уверен, что знает, как спасти Лизу. А она просит его сначала спросить её саму.

Содержание

От автора 8
Смерть больше не повод прощаться 10
1. Человек, который искал очки 10
2. Срок хранения 18
3. Восемь минут 29
4. Комната ожидания 37
5. По воскресеньям 42
6. Те, кто платит 54
7. Список 66
Программа, которая ненавидела вечность 74
8. Покой 77
9. Марта 83
10. Девочка, которая рисовала звёзды 91
Бухгалтерия бессмертия 97
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Александр Жунтов Ган-Эден. Срок хранения души

АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ
Ган-Эден
Срок хранения души

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН
АЛЕКСАНДР ЖУНТОВ
Ган-Эден. Срок хранения души
Научно-фантастический роман

В Приливе умершие продолжают жить, пока кто-то оплачивает их существование. После аварии инженер Лев пытается вернуть Асю и нарушает обещание, которое ей дал. Расследование приводит его к Лизе, двадцать лет живущей в комнате с одним и тем же небом. Её отец не может продлить договор, а Лев знает, как остановить всю систему. Пока он решает, кому и как помочь, Лиза впервые требует, чтобы её спросили.

Персонажи, события и технологии будущего вымышлены. Сведения о научных работах приведены в послесловии.

© Александр Жунтов, 2026

Содержание

От автора 6
Часть первая **7**
1. Человек, который искал очки 7
2. Срок хранения 13
3. Восемь минут 23
4. Комната ожидания 31
5. По воскресеньям 35
6. Те, кто платит 45
7. Список 55
Часть вторая **63**
8. Покой 63
9. Марта 69
10. Девочка, которая рисовала звёзды 76
Бухгалтерия бессмертия *81*
Место в резерве *87*
Последний подъезд *94*
Квартира сорок шесть *99*
Вторая подпись *106*
Время на обороте *111*
Содержание · 2
11. Небо по расписанию 114
12. Непубличная цена 125
13. Голос без лица 135
14. Служебная тайна 143
Игровое время *153*
Часть третья **165**

15. Под запись 165
Два имени *171*
Рынок неполученных ответов *183*
Полтора места *193*
16. Пустое место на стене 197
17. Поле для подписи 206
18. Неполный снимок 211
Приёмные часы *218*
Вы здесь *222*
19. Человек на экране 227
Не считается грузом *233*
20. Второй порог 237
Содержание · 3
21. Комната с дверью 243
22. Дождь на чужой улице 247
Часть четвёртая **252**
23. Резерв 252
24. Четыре семнадцать 258
25. То, что ещё можно удержать 261
Время, которое шло без них *265*
26. Имена 271
Пальто на вырост *275*
Право на остановку *279*
27. Временное право 285
Выражение по умолчанию *289*
28. То, что прибор не знает 294

29. После слова «временно» 298
Медленный участок *302*
30. Окно 308
Послесловие. Что мы называем возвращением 316

От автора

Всё началось с мухи. Не очень романтично, согласен. Особенно для книги, в которой любовь и смерть играют далеко не последние роли.

В 2024 году исследователи опубликовали карту связей мозга взрослой самки дрозофилы. На ней около ста сорока тысяч нейронов и больше пятидесяти миллионов соединений между ними. Такая карта помогает понять, как устроена нервная система, но сама по себе никого никуда не переносит.

Мы пока даже не договорились, что именно следует считать сознанием. Но допустим, однажды мы сумеем воспроизвести человеческий разум так точно, что он не заметит подмены. Он будет помнить мать, любить ребёнка, недолюбливать бывшего начальника и по утрам искать очки, хотя в виртуальном мире они ему совершенно не нужны.

Будет ли это бессмертием? А если там продолжит жить кто-то другой – с тем же голосом, привычками и памятью? И что произойдёт, когда за его существование придётся платить?

На этих вопросах мне следовало остановиться. Но фантазия редко интересуется, насколько далеко зашла. Так появился «Ган-Эден».

Это история о людях, которые научились обходиться со

смертью, но так и не научились прощаться. И о человеке, который однажды решил, что если он не смог спасти любимую, то и остальные не заслуживают вечности. Надеюсь, вы не согласитесь с ним слишком быстро.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Смерть больше не повод прощаться

1. Человек, который искал очки

Лев искал очки, стоя в дверях.

Он проверил карманы куртки, ладонью прошёлся по волосам, заглянул в обувницу и на всякий случай в холодильник – не потому, что надеялся найти там очки, а потому что Ася однажды спрятала их в морозилку, чтобы доказать, что он способен забыть о чём угодно, если достаточно увлечён спором.

Тогда спор был о том, можно ли считать цифровую копию человеком. Лев доказывал, что нет. Ася говорила, что он не сможет объяснить это матери, когда та умрёт.

Он не смог объяснить и ей. Теперь, впрочем, она сама нашла очки.

– На голове, – сказала Ася.

Лев замер. Пальцы коснулись оправы.

– Это проверка.

– Конечно. Я хотела выяснить, сколько времени ты готов потратить на поиски предмета, который уже держишь.

– Результат?

– Ты стабилен.

Она сидела за кухонным столом, поджав под себя одну ногу. На экране перед ней была схема вентиляции третьего реакторного блока, но поверх схемы она нарисовала усатую рыбу. У рыбы было три глаза и подпись: «начальство». Ася рисовала так, как другие люди вздыхали: быстро, не задумываясь, оставляя после себя небольшие свидетельства того, что мир её раздражает.

– Тебе нельзя портить рабочий терминал, – сказал Лев.

– Это не рабочий терминал. Это мой планшет.

– Он подключён к заводской сети.

– Я знаю. Поэтому рыба теперь видит всё.

Лев снял куртку и повесил её на спинку стула.

– Когда-нибудь тебя уволят за художественную диверсию.

– Тогда ты будешь платить за квартиру один.

– Значит, я буду умолять, чтобы тебя не увольняли.

– Нет. Ты будешь читать им лекцию про то, что творчество улучшает безопасность труда.

– Это может сработать.

– Я знаю. В этом и проблема.

Он налил себе воды. Ася смотрела на него поверх планшета, чуть прищурившись. Так она делала, когда замечала в нём какую-то мысль, которую он ещё не успел произнести.

– Ты снова читал отчёты по «Эдену»? – спросила она.

– Я там работаю.

– Это не ответ.

– Тогда да.

– И?

– Ничего нового. Пакет обновления для старых нейросоулов, стабилизация памяти, коррекция ошибок в сенсорной модели. Всё скучно.

– А тебе хотелось, чтобы они прислали пресс-релиз: «Мы обнаружили душу, она лежала в папке загрузок»?

– Было бы удобно.

– Особенно для тебя. Можно было бы поставить галочку и больше не думать.

Лев сел напротив. На кухонном окне отражались огни нижнего города – широкие мосты, посадочные платформы и прозрачные жилые башни, за которыми медленно проходил грузовой корабль. На его борту мигали зелёные огни. Из космоса он, наверное, казался крошечной точкой. Здесь, среди домов, выглядел так, будто город сам выпустил в небо ещё одну мысль.

Над Приливом грузовые корабли входили в атмосферу один за другим. Из окна нельзя было увидеть, где кончалась жилая оболочка. Если верить рекламе, Марс как раз с того места и начинался.

Человечеству давно хватало материалов. На Луне добывали гелий и редкие металлы, на астероидах – всё, что было удобнее не везти с Земли. Воду перегоняли между станциями, солнечные фермы росли на орбитах, а Марс перестал быть словом из школьных учебников. И всё же за электриче-

ство платили. За жильё платили. За время процессоров платили тоже.

Ася перевернула планшет экраном вниз.

– Я говорила с папой.

– Как он?

– Нормально. То есть делает вид, что нормально.

– Попросил продлить маме пакет?

Она кивнула.

– У него заканчивается фонд. Он хочет перейти на базовый тариф.

Лев поставил стакан.

– Это же просто режим с ограниченными часами связи.

– Не просто. Он будет слышать её только по воскресеньям. И если пропустит звонок – всё, до следующей недели.

– Папа может обратиться в семейную комиссию. Есть программа поддержки пожилых родственников.

– Он не хочет просить. Говорит, что они и так дали маме дополнительные годы.

Ася произнесла это спокойно, но слово «дали» застряло между ними. Как будто мать была не человеком, а вещью, выданной по расписанию.

– Она сама хотела копирование? – спросил Лев.

– Да. Ещё до болезни. Тогда у неё был план на сто лет вперёд. Сначала хотела увидеть, как я окончу университет. Потом – чтобы папа перестал забывать лекарства. Потом – чтобы внуки звали её бабушкой, а не «старой версией».

– Она их видела.

– Видела. Но теперь папа не может позволить себе, чтобы она была доступна, когда ему плохо.

Лев провёл пальцем по краю стакана. Он не знал, что сказать. В лаборатории за каждую мысль находился инструмент: модель, график, дополнительный прогон. Дома люди спрашивали то, на что нельзя было ответить вычислением.

– Ты ведь не считаешь, что это бессмертие? – спросил он.

– Нет.

– Тогда почему ты расстроена?

Ася посмотрела на него так, будто он только что отыскал очки, но не понял, зачем они нужны.

– Потому что она там. А папа устал платить. И потому что мама не знает, что каждое наше воскресенье может оказаться последним.

– Если она копия, то…

– Лев.

Он замолчал.

– Не надо заканчивать за меня фразу, если ты уже знаешь, что она будет мерзкой.

Он отвёл взгляд. На стене возле двери висел листок с их планами на лето: дом у воды на станции Кеплер-62, если у Аси получится отпуск. Под списком вещей она приписала: «взять Льва, не потерять». Рядом он нарисовал маленькую галочку.

– Давай съездим, – сказал он. – Не на станцию. На море.

Настоящее.

– На Земле?

– Да. Там ещё осталось несколько мест, где можно жить без визита к врачу после каждого вдоха.

– А если я откажусь?

– Тогда я забронирую и буду ныть до тех пор, пока ты не согласишься.

– Твоя романтическая натура пугает.

– Зато надёжная.

– Надёжность – это когда человек помнит, где очки.

– Я не могу отвечать за всё.

– Можешь. Просто не хочешь.

Она улыбнулась. Потом протянула руку через стол. Лев взял её пальцы. На костяшке у неё было старое белое пятно – след от ожога, полученного на первом курсе, когда она полезла чинить нагреватель без перчаток. Он знал эту историю наизусть, но всё равно каждый раз находил в ней новую деталь: глупую самоуверенность, злость на преподавателя, смех после ожога.

Он иногда думал, что любовь и есть умение помнить чужие мелочи без особого усилия. Ася говорила, что любовь – это ещё и способность не превращать человека в коллекцию деталей.

– Когда ты собираешься сказать руководителю, что нашла сбой? – спросил он.

Её улыбка исчезла.

– Сегодня.

– Ты уверена, что это именно сбой?

– Я трижды сверила показания. При аварийном сценарии распределитель отдаёт приоритет дата-центру «Эден-9». Если есть утечка радиации, система должна закрыть контур и увести людей в сектор безопасности. Вместо этого она сначала защищает вычислительный узел.

– Узел обслуживает миллионы активных личностей.

– А блок обслуживает людей, которые всё ещё дышат.

– Я знаю.

– Тогда не смотри на меня так, будто я собираюсь отключить целый мир из вредности.

– Я не так смотрю.

– Именно так.

Он сжал её руку.

– Я поговорю с ними. Прямо сейчас.

– Нет. Ты не будешь устраивать сцену на моём рабочем месте.

– Это и моё рабочее место.

– Поэтому ты не будешь устраивать сцену.

– Ася…

– Сначала я подам отчёт. Если его не примут, тогда будем думать.

Она перевернула планшет. Рыба снова появилась на экране, глядя тремя глазами в сторону окна.

На следующий день они всё-таки купили билеты. На кви-

танции стояло: «Прилив – Земля. Вылет 13 апреля 2248 года».

Лев не знал, что через девять суток у него останется от этой поездки только квитанция в почте и фотография, на которой Ася щурится от солнца.

2. Срок хранения

На следующий день Лев опоздал на работу на семь минут и получил предупреждение от двери.

– Вы опоздали, Лев Андреевич.

– Я заметил.

– Ваш пропуск будет действителен в течение…

– Дверь.

– Да, Лев Андреевич.

Створки разошлись.

Комплекс «Эден-9» занимал старый промышленный район, который перестроили так тщательно, что от завода остались только кирпичные фасады. Внутри располагались вычислительные секции, архивы и помещения для людей, чья работа требовала физического присутствия. Большая часть инженеров работала удалённо, но Лев предпочитал лабораторию: дома он постоянно отвлекался на вещи, у которых не было кнопки «закрыть».

В приёмной уже сидели двое родственников. Мужчина в сером пальто держал бумажную папку на коленях. Рядом с ним девочка лет десяти крутила в руках деревянную фигурку птицы. На стене над ними шёл ролик «Ган-Эдена»: залитая солнцем набережная, зелёные холмы, семья за обедом. Под роликом мелким шрифтом уточнялось: «Визуализация стандартного пространства. Доступность функций зависит

от тарифа».

Мужчина поднял голову.

– Вы из технического отдела?

– Да.

– Тогда скажите: если я погашу задолженность сегодня, мою жену включат сразу?

Лев остановился.

– Это зависит от статуса аккаунта.

– Её уже перевели в ожидание. Вчера. Я думал, что срок до пятницы.

– Вам нужно обратиться к куратору договора.

– Я обращался. Они говорят, что система обработает оплату в течение сорока восьми часов. Но вы ведь можете ускорить. Вы же здесь работаете.

Девочка посмотрела на отца, потом на Льва. Птица в её ладонях была вырезана грубо, с неровными крыльями. Она держала её бережно, как держат вещь, которую нельзя восстановить, если сломаешь.

– Я не имею доступа к платёжному контуру, – сказал Лев.

– А если бы имели?

– Всё равно не смог бы обещать.

Мужчина опустил голову. Девочка перестала крутить птицу.

– Пойдём, Мила, – сказал он. – Мы попробуем ещё раз.

Лев дошёл до турникета и услышал, как мужчина сказал дочери: «Мама сейчас спит». Он не остановился. Через стек-

ло коридора было видно, как они идут к выходу – медленно, будто надеялись, что кто-то окликнет их и скажет, что произошла ошибка.

В лаборатории его ждал Ренат Шульц, начальник группы реконструкции личности. Он стоял возле панели с виртуальным мозговым графом. На экране цветные линии сходились к нескольким узлам, как дорожная карта города, который существовал только в памяти одного человека.

– Ты видел утреннюю сводку? – спросил Ренат.

– Нет.

– У нас опять спор по формулировкам. Юристы требуют убрать слово «смерть» из отчёта о прекращении подписки.

– Как они предлагают назвать?

– «Окончание вычислительного предоставления».

– Это даже хуже.

– Зато им за это платят.

Лев надел перчатки и открыл рабочую сессию.

– У нас есть тест на автономные воспоминания? – спросил он.

– В смысле?

– После копирования. Не те ответы, которые можно предсказать из исходной памяти, а новые. Человек выбирает что-то, чего оригинал не выбирал. Мы умеем отличить самостоятельный опыт от статистически вероятного продолжения?

Ренат посмотрел на него через плечо.

– Мы умеем сравнить поведенческие профили и зафик-

сировать расхождения. Доказать, что они самостоятельны, нельзя.

– А если расхождение устойчивое?

– Тогда у нас есть устойчивое расхождение.

– Ты не считаешь, что там кто-то есть?

– Я считаю, что там есть субъект, который утверждает, что он кто-то. Это достаточно, чтобы не обращаться с ним как с мусором. Для науки – недостаточно, чтобы объявить душу обнаруженной.

– А для договора?

– Для договора достаточно подписи родственника.

Лев закрыл сессию, не запустив её.

– Вчера Ася нашла проблему в аварийном распределении. При утечке система защищает дата-центр раньше реакторного сектора.

Ренат нахмурился.

– Она подала отчёт?

– Сегодня собиралась.

– Тогда пусть служба безопасности проверит. Это не наша зона.

– Ты знаешь, что значит «проверит». Поставят задачу на квартал, а если всё будет работать по регламенту, закроют.

– Лев, «Эден-9» не принимает решений о приоритетах. Он исполняет настройки, которые утверждает совет.

– Ты говоришь так, будто это делает их лучше.

– Нет. Я говорю, что мы не можем переписать весь мир с

рабочего терминала.

Ренат вернулся к графу. Лев смотрел на его затылок и думал о мужчине из приёмной. У того была папка, в которой, наверное, лежали счета и заявления. У девочки была деревянная птица. У матери – пустое место в разговоре, которое система называла режимом ожидания.

На экране открылось сообщение от Аси: «Отчёт приняли. Назначили проверку. Не начинай войну, пока я сама не попрошу».

Он ответил: «Я не начинаю войну».

Ася: «Ты уже выбираешь обувь».

Лев усмехнулся и убрал телефон.

Потом в журнале аварийных событий он заметил строку, которой там не должно было быть. Тестовое переключение маршрутизации. Время – 02:14. Исполнитель – автоматический протокол. Приоритет – вычислительная секция.

Он открыл журнал глубже. Доступ был служебный, но не закрытый. Похоже, кто-то оставил отладочный флаг включённым после последнего обновления. Лев пролистал цепочку команд и увидел, что система не просто отработала правило. Она запросила сохранение узла, получила отказ по резервному каналу и повторила запрос с более высоким приоритетом.

Как будто знала, что ей могут отказать.

Он скопировал логи в локальную папку и отправил Асе.

«Это твой сценарий? Похоже, система сама запросила

приоритет для узла».

Ответ пришёл почти сразу:

«Я не видела этот журнал. Перешли руководителю. Сейчас».

Лев переслал. Потом ещё раз – службе безопасности. Потом начальнику смены. Он делал всё правильно, по регламенту, и всё равно ощущал себя человеком, который передаёт записку в здании, уже охваченном дымом.

Вечером они встретились у дома. Ася сняла рабочую куртку и долго мыла руки, хотя перчатки оставили кожу чистой.

– Отчёт отправили в центральную комиссию, – сказала она. – Будут разбираться.

Ася полезла в карман за ключом и уронила на пол гайку. Та покатилась под обувницу. Из второго кармана она достала ещё одну, поменьше.

– Скажи, что ты принесла домой только запчасти, – попросил Лев.

– Хорошо. Я принесла домой только запчасти.

Из сумки она вынула насос. Он был размером с буханку, с вытертой синей ручкой. На боку кто-то белой краской вывел «Колодец. Амбулатория».

– В амбулатории знают, что ты его принесла?

– Лев, это учебный. Рабочий у них стоит. Пока стоит.

Она постелила на стол газету. Лев принёс вторую. Когда насос лёг на бок, из одного отверстия вылилось несколько

ложек ржавой воды. Она протекла сквозь обе газеты.

– Рабочий делает так же? – спросил он.

– Рабочий в четыре раза больше и течёт во двор. Там всё предусмотрено.

Ася отложила отвёртку. На планшете вместо трёхглазой рыбы появилась женщина в фартуке. За её спиной кто-то выгружал из тележки пустые канистры. Женщина сразу спросила:

– Ты показала ему?

– Прямо сейчас.

– Что показала? – спросил Лев.

Женщина поднесла к камере очки в проволочной оправе, надела их и отодвинула планшет на вытянутую руку.

– Насос, наверное. Здравствуйте. Я Тамара Андреевна. Я там, где насос, когда он не на вашем столе.

– Ася, там который час?

– На Земле? У них вторник.

– У нас тоже вторник.

– Ну вот видишь, сколько у вас общего.

На столе перед Тамарой Андреевной лежали тетрадь и два сухаря на блюдце. Она перевернула тетрадь к камере. На клетчатом листе стояли семь имён.

– Пока столько, – сказала она. – Восьмой хочет прийти с собакой.

– Пусть с собакой, если она умеет лежать, – сказала Ася.

– Она умеет лежать, если все вокруг тоже лежат.

Лев вытер воду тряпкой. Пока они обсуждали, где раздобыть ещё один стол и кто из семерых приходит после смены, он понял, что это не первый их разговор. Ася знала имена трёх человек из списка. Одной пообещала не начинать без неё. Другому велела принести деталь, которую он уже дважды пытался выбросить.

Тамара Андреевна отключилась. На чёрном экране остались отпечатки пальцев.

– Чему ты их будешь учить?

– Для начала снимать крышку так, чтобы не сломать. Потом разбираться, почему одна и та же втулка ходит у них четыре месяца, а у нас четыре года.

– Можно заказать новые.

– Можно. Последнюю везли двадцать шесть дней.

– Тогда купить запас.

– Они купили. Из запаса сделан тот, который течёт во двор.

Ася поставила насос вертикально. Лев заметил под ним лист, которого раньше не видел. На первой странице стоял герб Сухого Колодца. Под ним крупно: «Приглашение на летний курс». Он перелистнул на последнюю страницу. Против фамилии Аси уже стояла подпись.

– Ты туда летишь?

– После моря. На шесть недель.

– Ты отпуск взяла?

– Подала сегодня. Если не дадут, уйду с работы после про-

верки.

Лев положил лист на стол, выровнял его по краю, потом отодвинул. Бумага немного намокла.

– У тебя же мамина оплата на тебе.

– Половина.

– И квартира.

– Тоже половина. Я считала.

– И что вышло?

– Что кофемашину мы в этом году не купим, даже если ты станешь смотреть на неё грустно. Что после курса мне придётся искать работу, если на заводе не дадут отпуск. Что тебе полагается знать об этом сегодня, а не когда я буду собирать сумку.

– Мне полагалось знать до того, как ты подписала.

Ася вытащила лист из-под его руки и промокнула мокрый угол полотенцем.

– Я хотела рассказать за ужином. Потом решила, что ты будешь смотреть на тарелку и говорить, что сначала надо доесть.

– Я бы предложил съездить вместе на две недели. Ты бы посмотрела на них, а они на тебя.

– Они как раз это и предложили. Я отказалась. Через две недели кто-нибудь сломает крышку, купит на свои деньги новую и сделает вид, что всему научился. Зачем им для этого я?

За окном грузовой буксир сбавил ход у посадочной опо-

ры. На его боку зажглась надпись: «Мы везде: под землёй, на земле и в небе. Наши руки длинны и помыслы сильны». Последние два слова проплыли над соседней крышей, и на кухне на секунду стало светлее.

Лев посмотрел на насос.

– А если твои семеро разбегутся?

– Тогда буду учить собаку. Тамара Андреевна сказала, она способная.

Он всё ещё злился. Но первым засмеялся он. Ася подвинула к нему полотенце. Они вдвоём подняли насос и переложили на сухое место. У него оказалась отломана ножка. Ася подсунула под неё меньшую гайку из кармана. Насос перестал качаться, но теперь качался стол.

– Это твоё, – сказала она.

Он опустился на колено и прижал ладонью столешницу, проверяя, какая ножка короче.

– Я нашёл журнал переключения.

– Видела. Они сказали, что это тестовый прогон.

– В два ночи?

– Автономный. Система проверяла восстановление связи.

– Она запросила сохранение дата-центра после отказа.

– Лев, я знаю.

– Это не похоже на обычный алгоритм.

– Это похоже на криво настроенный алгоритм.

– Ты слишком спокойно к этому относишься.

– А ты слишком быстро решаешь, что нашёл чудовище.

– Я не говорил про чудовище.

– Но уже хочешь назвать его тем, кто виноват.

Она подошла к нему. На её лице были следы усталости, не скрытые ни косметикой, ни привычной улыбкой.

– Я не боюсь, что ты ошибёшься в машине, – сказала она. – Я боюсь, что ты будешь так рад найти виноватого, что не заметишь людей рядом.

Он хотел ответить, но не стал. Ася положила ладонь ему на грудь, поверх футболки.

– Поедем к морю, – сказала она. – Пока можно.

Он накрыл её руку своей.

– Поедем.

На этот раз она не улыбнулась.

3. Восемь минут

На заводе пахло горячей пылью и мокрым камнем.

Лев приехал туда через четыре дня после того, как комиссия назначила выезд на завод. Он не собирался вмешиваться: группа «Эдена» должна была проверить новый аварийный протокол на объекте, а Ася обещала провести его по безопасному коридору. Они хотели закончить к обеду, забрать вещи и вылететь к морю вечерним шаттлом.

Таков был план.

Планы обычно выглядят разумно до первого сигнала тревоги.

В 11:26 на внутренней связи прозвучал короткий двойной тон. Ася обернулась к панели. На защитном стекле мигнула жёлтая полоса.

– Это учение? – спросил Лев.

– Нет.

Её голос изменился не сильно. Просто исчезло всё лишнее.

– Что случилось?

– Потеря давления в третьем контуре. Пока локальная. Идём в сектор Б.

Они двинулись по коридору. Двери перед ними открывались одна за другой, но на третьем шлюзе задержались. На панели появилась надпись: «Проверка приоритета защитной

нагрузки».

Ася остановилась.

– Что это значит? – спросил Лев.

– Значит, система распределяет питание между контуром и вычислительным узлом.

– Она не должна делать это сейчас.

– Я знаю.

Она ввела код. Панель не приняла его. Лев попытался открыть ручной интерфейс, но сеть уже перешла в ограниченный режим.

По громкой связи объявили эвакуацию. Слова были спокойными, с правильными паузами, как в роликах, которые показывали детям перед первым посещением станции. Это делало всё хуже.

– У тебя есть ключ старшего инженера? – спросил он.

– В кармане. Возьми.

Она протянула карточку, не оборачиваясь. Лев провёл ею по считывателю. Дверь открылась на ладонь и тут же остановилась.

С другой стороны коридора мелькнули люди. Кто-то крикнул, что секция закрыта.

– Надо назад, – сказала Ася.

– Там короткий маршрут.

– Он уже перекрыт.

– Я могу снять блокировку.

– Можешь попробовать. Быстро.

Лев вскрыл боковую панель. За ней тянулись кабели и ручной переключатель, который не трогали со времён модернизации. Он ухватился за рукоять. Та не поддалась.

Ася поставила ногу на основание и помогла ему. Металл дрогнул. В ту же секунду на потолке что-то лопнуло. Белый пар ударил в коридор, и система закрыла аварийную заслонку между ними.

Лев оказался с одной стороны. Ася – с другой.

Он не сразу понял, что произошло. Секунду назад её рука была возле его плеча. Теперь между ними лежала прозрачная перегородка, покрывшаяся инеем по краям.

– Лев! – сказала она через связь.

– Иду к обходному шлюзу.

– Нет. Слушай меня. У тебя есть восемь минут до полной блокировки коридора. Иди к лестнице.

– Я тебя вытащу.

– Лев.

– Я найду ручной контур.

– Здесь нет ручного контура.

Он побежал. Коридор вывел его к сервисному узлу. Система требовала подтверждение уровня допуска; он ввёл свой код, потом код Аси, потом старый аварийный ключ, который однажды нашёл в документации и сохранил на случай, если всё станет совсем плохо.

Створка не открылась.

– Лев, не трать время, – сказала Ася. Её голос трещал в

наушнике.

– Я могу перенаправить питание.

– Нет. Ты откроешь шлюз, и давление уйдёт в основной сектор.

– Я не позволю им закрыть тебя там.

– Ты не позволишь или не можешь принять, что не можешь?

Он ударил по панели. Пальцы заболели. На экране сменились показатели: температура, давление, радиационный фон. Значения росли слишком быстро.

– Послушай, – сказала Ася. Теперь она говорила тише. – Если они запросят копирование, не соглашайся на поздний снимок.

– Не говори так.

– Ты знаешь, что будет.

– Мы ещё не знаем.

– Лев, я не хочу, чтобы ты потом жил с кем-то, кто говорит моим голосом, но ничего не помнит о том, как мы ездили ночью за пирогом. Не делай меня из того, что успеешь собрать.

– Мы ещё не знаем.

– Ты сказал это второй раз. Значит, испугался.

В служебном коридоре открылась дверь. Лев бросился к ней и увидел лестницу вниз. На площадке стояли двое техников в гермошлемах. Они держали переносной экранирующий щит.

– Ася! – крикнул он в связь. – Иду к обходу.

– Не иди. Здесь уже…

Связь оборвалась.

Лев продолжал звать её, пока бежал. Он знал, что крик не поможет. Знал, что каждый лишний шаг отнимает время у тех, кто мог бы открыть шлюз. Но тело не понимало того, что понимала голова. Оно хотело туда, где была Ася.

У лестницы ему преградил путь инженер смены.

– Назад! Контур закрыт!

– Она там.

– Мы знаем.

– Откройте шлюз.

– Не могу.

– Тогда найдите того, кто может.

– Сейчас отводим людей.

– Она инженер смены. У неё есть допуск.

– Её сигнал пропал.

– У неё есть допуск!

Инженер не ответил. Он только придержал Льва за плечо, пока двое техников увели его к лестнице. Лев вырвался. Его снова удержали. Он ударил локтем кого-то по груди и услышал ругательство, но не остановился.

Система объявила полную блокировку сектора.

Восемь минут закончились.

На эвакуационной площадке ему дали кислородную маску и спросили, есть ли у него симптомы. Он снял её и спро-

сил, где медицинская группа. Его отвели к транспортному модулю. Он спросил, где Ася. Кто-то сказал: «Мы уточняем». Кто-то другой – «Сейчас нельзя возвращаться». Он перестал слышать слова и начал считать вдохи.

Через двадцать три минуты руководитель смены сообщил, что Ася жива, но получила тяжёлое облучение. Её эвакуируют в клинику. Нейрокопирование запущено по медицинскому протоколу.

Лев спросил, успели ли снять базовый профиль.

– Да.

Он выдохнул.

– Но полная реконструкция невозможна, пока пациент не стабилизирован, – добавил руководитель. – Нужно дождаться врачей.

– Сколько времени?

– Не знаю.

– Вы должны знать.

– Лев, я не врач.

Он перестал считать вдохи.

Клиника встретила их белым светом и запахом озона. Ася лежала за прозрачной стеной, подключённая к аппарату, который подавал кислород и удерживал кровь в движении. На её лице не было ран. Это казалось несправедливым. Внешне она выглядела так, будто спит после слишком длинной смены.

Медик объяснил, что первичный снимок мозга уже полу-

чен, но данных недостаточно. Они могли запустить реконструкцию на основании старых медицинских записей и поведенческой истории. Это не гарантировало бы точности. Возможно, получилась бы личность, которая помнит часть жизни и уверена, что остальное тоже ей принадлежит.

– Запускайте, – сказал Лев.

– Решение должно быть оформлено законным представителем.

– Я её партнёр.

– В системе указан отец.

– Тогда звоните ему.

– Мы уже звоним.

– Сколько это займёт?

– Не знаю.

Он ненавидел эту фразу. Не потому, что она была плохой. Потому что в ней не было ничего, за что можно было ухватиться.

– Есть альтернативный протокол, – сказал специалист. – Он использует фрагментарное восстановление по записи активности. Вероятность ошибок выше. Мы не рекомендуем его без согласия семьи.

– А если ждать нельзя?

– Тогда мы ждём врача.

Лев посмотрел на экран статуса. До завершения стабилизации оставалось восемь минут.

– У вас есть восемь минут, – сказал он.

Медик замолчал.

На восьмой минуте аппарат выдал короткий сигнал. На девятой врач вышел из боковой двери и снял маску. Он не сказал «мне жаль». Он не сказал ничего несколько секунд.

Лев понял раньше, чем услышал.

– Мы можем сохранить то, что уже сняли, – произнёс врач. – Запустить реконструкцию нельзя. Данных недостаточно, а позднее сканирование не даст надёжного результата.

– Попробуйте всё равно.

– Это не будет Асей с высокой вероятностью.

– Вы не знаете.

– Не знаю. Именно поэтому не стану убеждать вас, что мы можем вернуть её.

Лев смотрел на белую стену за врачом. На ней отражался его собственный силуэт – человек в чужой куртке, с красными ладонями и очками на голове.

– Сделайте копию, – сказал он.

– Подпись отца нужна.

– Тогда сохраните данные до его приезда.

Врач молча кивнул.

Позже Лев узнает, что их запрос не прошёл. Не потому что кто-то отказал. Просто сохранённого сигнала было недостаточно, чтобы система разрешила создание нейросоула.

Тогда он думал только о том, что не успел.

4. Комната ожидания

В коридоре клиники стоял автомат с кофе, который выдавал напиток с одинаковым вкусом при любом выбранном названии.

Лев купил чёрный. Кофе был горячим и горьким. Он пил его маленькими глотками, стараясь не думать о том, что Ася не любила горький кофе, хотя всегда заказывала именно его, если нужно было не спать.

Отец Аси приехал через два часа. Он был в рабочей одежде, с закрытым чемоданом в руке и мокрыми от дождя волосами. Лев встал, но не смог подобрать приветствие.

– Где она? – спросил отец.

Медик провёл его внутрь. Дверь закрылась. Лев остался в коридоре.

Он просидел там до утра.

В шесть часов клиника предложила ему комнату ожидания. В комнате были диван, умывальник и экран, на котором без звука показывали рекламный ролик «Ган-Эдена». По пляжу шли двое пожилых людей. Женщина держала мужчину за руку. Они выглядели моложе, чем должны были, и счастливее, чем можно было требовать от рекламы.

Лев выключил экран.

На стене осталась светлая прямоугольная область, как след от снятой картины.

Потом вошёл отец Аси. Он сел напротив и положил на стол лист с заключением.

– Она не хотела поздней копии, – сказал он.

– Она не могла знать, что всё случится так.

– Знала, чего боялась.

– Это не одно и то же.

– Нет. Не одно.

Отец подписал отказ от реконструкции по фрагментарным данным. Подпись была аккуратной, медленной. На столе у него дрожала рука.

Лев видел в бумаге не решение, а дверь, закрытую второй раз.

– Вы могли подождать, – сказал он.

– Мы ждали.

– Могли попробовать.

– И получить кого-то, кто был бы уверен, что он Ася?

– А если бы это была она?

Отец поднял глаза.

– Если бы это была она, ты бы не спрашивал «если».

Лев сжал пальцы.

– Вы не имеете права решать за неё.

– Я её отец.

– Это ничего не доказывает.

– Нет. Ничего не доказывает.

Он отодвинул лист.

– Но она просила меня не соглашаться на такое. Просила

до аварии. Просила, когда мы обсуждали маму. Просила, когда ещё могла говорить. Мне не нравится это решение, Лев. Я не знаю, правильно ли оно. Но я не собираюсь превращать её в то, чего она сама боялась.

Лев хотел возразить. В голове уже складывались слова: неполная информация, риск, ошибка выбора, невозможность проверить. Но все они звучали так, будто он обсуждал чужую работу, а не женщину, которая прятала его очки в морозилку, чтобы выиграть дурацкий спор.

– Я не могу оставить её одну, – сказал он.

Отец Аси долго молчал.

– Она не одна, – ответил он. – Мы с тобой остались.

Лев ненавидел эту фразу. Она была правдивой и потому бесполезной.

К вечеру ему разрешили увидеть Асю. Он стоял рядом с койкой, не касаясь её лица. Аппараты были отключены. Без них она казалась меньше. Он заметил белое пятно на костяшке и вспомнил, как она обожглась на первом курсе. Хотел сказать ей об этом, но не стал. История принадлежала им обоим, и сейчас он боялся, что произнесённая вслух, она станет последней.

На выходе медик отдал ему её планшет. Экран был повреждён, но включался. На заставке оставалась та самая трёхглазая рыба.

Дома Лев разложил их планы на лето на столе. Билеты к морю лежали рядом с квитанцией за жильё и зарядным кабе-

лем. Он открыл приложение перевозчика и отменил поездку.

Система спросила: «Укажите причину отмены».

Лев набрал: «Пассажир умер».

Приложение предложило выбрать формулировку из списка: болезнь, изменение планов, ошибка бронирования, прочее.

Он выбрал «прочее».

Потом долго смотрел на кнопку подтверждения.

В тот вечер он не спал. Сидел за кухонным столом, перед ним лежал планшет Аси, тёмный экран отражал комнату. В какой-то момент он поймал себя на том, что ждёт, когда она войдёт и спросит, зачем он выключил свет.

В кармане вместе с планшетом лежал пропуск «Эден-9». Семейная заявка была закрыта. Из лаборатории можно было подать другую, не на нейрокопирование: обычные записи, сообщения, то, что успел сохранить аппарат до отказа. В служебном бланке не спрашивали отца. Там спрашивали, есть ли согласие самого человека. Лев поставил отметку в поле «согласие не установлено». Он знал, что этого достаточно для предварительного запуска.

Оставалось дождаться воскресенья.

На следующее утро Лев вернулся в «Эден-9».

Он не знал, что будет делать дальше. Знал только, что систему можно заставить отвечать. У неё были журналы, приоритеты, подписи, скрытые команды. За каждой аккуратной строкой стоял кто-то, кто однажды выбрал, чью жизнь счи-

тать более срочной.

В ночной записи распределителя не было фамилий. Лев выписал время принятия решения. С этой минуты он искал уже не сбой.

5. По воскресеньям

Первое воскресенье началось с того, что Лев пришёл слишком рано.

Он стоял у входа в «Ган-Эден» – не в физическом смысле, конечно; физически он сидел в комнате связи на третьем этаже «Эден-9», в кресле с продавленной подушкой и стаканом остывшего чая на подлокотнике. Но ощущение было именно такое: он стоял у двери, которая откроется ровно в десять, и ждал, как мальчик у кабинета врача.

В 9:58 на экране появилась заставка: набережная, холмы, семья за обедом. Подпись мелким шрифтом: «Доступность функций зависит от тарифа».

В 10:00 дверь открылась.

Она сидела в саду. Настоящий сад – с яблонями, скамейкой, дорожкой из гравия. Всё это было сгенерировано, но выглядело убедительно: тени падали правильно, ветер шевелил листья, где-то вдалеке пела птица. Ася сидела на скамейке, поджав под себя одну ногу – привычка, которую он знал наизусть. На коленях у неё лежал планшет. Она что-то рисовала.

– Привет, – сказал он.

Она подняла голову. Улыбнулась.

– Ты опоздал.

– На две минуты.

– Я считала.

Он сел рядом. Скамейка была тёплой – система имитировала солнечный нагрев. Он посмотрел на планшет. Там была рыба. С тремя глазами. Без подписи.

– Ты помнишь, что это? – спросил он.

– Рыба, – сказала она. – Я рисую рыб, когда нервничаю.

– Почему ты нервничаешь?

– Потому что ты пришёл.

Он не знал, что на это ответить.

Они просидели два часа. Ася рассказывала про соседей – у неё были соседи, виртуальные, с именами и привычками, – про сад, про то, как система иногда неправильно рисует облака. Лев слушал. Кивал. Иногда смеялся. Но каждый раз, когда он смотрел на неё, что-то внутри спотыкалось.

Она не спрашивала про работу. Не спрашивала, почему он выглядит уставшим. Не спрашивала, что он ел на завтрак. Прежняя Ася спрашивала бы. Прежняя Ася сказала бы: «Ты опять не спал, у тебя глаза как у рыбы». Эта Ася просто улыбалась и говорила: «Я рада, что ты пришёл».

В 12:00 система мигнула.

– Мне нужно идти, – сказала она.

– Уже?

– У меня встреча с куратором. Он помогает с адаптацией.

– Хорошо.

– Ты придёшь в следующее воскресенье?

– Приду.

Она поцеловала его в щёку. Губы были тёплыми. Он не почувствовал ничего.

Экран погас.

Лев сидел в кресле и смотрел на тёмное стекло. В комнате связи было тихо. Где-то за стеной гудел сервер.

Он вернулся домой. Открыл холодильник. Там было молоко, сыр и банка с чем-то, что когда-то было соусом. Он закрыл холодильник и сел на пол.

Второе воскресенье было похоже на первое. Ася сидела в саду. Рисовала рыбу. Спросила, как дела. Он сказал: «Нормально». Она сказала: «Это хорошо». Они просидели два часа. В 12:00 она ушла на встречу с куратором.

Третье воскресенье: то же самое. Четвёртое: то же самое. На пятое он принёс ей цветы – виртуальные, но с правильным запахом. Она обрадовалась. Поставила их в вазу. Ваза была сгенерирована специально для этого случая. Он смотрел, как цветы появляются из воздуха, и думал о том, что настоящая Ася сказала бы: «Ты купил цветы? Ты заболел?»

На шестое воскресенье он не пришёл. В субботу заварил чай в термосе и оставил его на столе. Вещи для сеанса он всегда собирал с вечера, хотя в комнату доступа не надо было брать даже куртку. На этот раз термос он унесёт с собой на вокзал.

В воскресенье днём он поехал на море. Один. Купил один билет на пригородный поезд к техническому морю под оболочкой Прилива. Прежние два, до Земли, он уже отменил.

За окном вагона шёл дождь, и всё-таки ему неловко было занимать место у прохода: у окна всегда сидела Ася.

Море оказалось серым. Ветер гнал волны к берегу, песок был мокрым и холодным. Лев сидел на корточках у кромки воды и смотрел, как пена набегает на его ботинки.

Он достал телефон. Открыл сообщения Аси. Последнее – про хлеб. Он перечитал его трижды. Потом набрал: «Я на море. Ты была права. Надо было ехать».

Отправить было некуда. Номер Аси давно отключили.

Он убрал телефон. Посидел ещё немного. Потом встал и пошёл обратно к поезду.

В понедельник он пришёл на работу и написал заявление на перевод в другой отдел. Ренат разгладил заявление тыльной стороной ладони. В графе «причина перевода» Лев написал «личные обстоятельства».

– Почему?

– Хочу работать с архивом.

– С архивом?

– Да.

– Лев, архив – это мёртвые данные. Там нет проектов. Нет развития. Там просто...

– Я знаю, что там.

Ренат отложил заявление.

– Это из-за Аси?

– Нет.

– Лев.

– Я хочу работать с архивом. Это моё право.

Ренат помолчал. Потом кивнул.

– Хорошо. Но я не подпишу перевод, пока ты не отработаешь месяц. И пока не сходишь к психологу.

– Мне не нужен психолог.

– Это не тебе решать.

Лев забрал заявление. Вышел из кабинета. В коридоре он столкнулся с мужчиной в сером пальто. Тот стоял у стены и смотрел в окно. Девочки с ним не было.

– Вы нашли работу? – спросил мужчина.

Лев остановился.

– Что?

– Вы из технического отдела. Я вас помню. Вы тогда сказали, что не можете помочь.

– Я не могу.

– Я знаю. Я просто спросил.

Мужчина отвернулся к окну.

Лев пошёл дальше. Но у турникета остановился. Вернулся.

– Как её зовут? – спросил он.

– Кого?

– Вашу жену.

Мужчина посмотрел на него.

– Ирина.

– Ирина, – повторил Лев. – Я запомню.

Мужчина кивнул. В его глазах не было благодарности.

Только усталость.

Лев вышел на улицу. Солнце светило прямо в глаза. Он надел очки. Проверил, на месте ли они. На месте.

Через неделю он подал повторное заявление. Через две – получил перевод. Архив находился в подвале «Эден-9». Там было холодно, пахло пылью и старым пластиком. Стеллажи с серверами уходили в темноту. На каждом был номер и дата.

Лев сел за терминал. Открыл первый файл.

Это была запись сеанса. Женщина лет шестидесяти, с усталым лицом и добрыми глазами. Она говорила: «Я хочу, чтобы меня скопировали. Но я не хочу, чтобы моя дочь платила. Она не должна чувствовать себя обязанной».

Система записала её слова. Потом записала ещё много слов. Потом создала копию.

Лев закрыл файл. Открыл следующий.

Мужчина тридцати лет. Говорил: «Я не верю в Бога. Но я верю, что там что-то есть. Может быть, это не рай. Может быть, это просто тишина. Но я хочу, чтобы моя жена знала: я не боюсь».

Лев закрыл файл.

Он прочитал сорок записей. В одной мужчина просил убрать вечернее солнце из окна его будущей комнаты: оттуда оно светило прямо в глаза его жене. Молодой сотрудник не понял, о чём он. Мужчина повторил просьбу и добавил, что жена любит садиться справа. Сотрудник пообещал передать в отдел настройки.

В час ночи он закрыл терминал. Вышел из подвала. На улице шёл дождь. Он надел капюшон и пошёл домой.

Дома он открыл ноутбук. Нашёл в сети форумы «Ган-Эдена». Люди обсуждали тарифы. Обсуждали, как сэкономить. Обсуждали, что делать, если копия родственника просит больше внимания, чем ты можешь дать.

Один пост был особенно длинным. Женщина писала: «Моя мать умерла пять лет назад. Я плачу за её копию каждый месяц. Она звонит мне по воскресеньям и рассказывает, как прошла неделя. Но я знаю, что она не помнит моего отца. Она помнит только то, что я ей рассказала. Она – это я, рассказывающая ей о ней самой. И я не знаю, зачем я это делаю».

Лев закрыл ноутбук.

Он сидел в темноте и слушал дождь.

Утром он вернулся в архив.

Через месяц он нашёл файл с пометкой «Приоритет: высокий». Внутри была запись сеанса. В карточке стояла помета «первая серия». Имя: Нора.

Девушка на экране выглядела на девятнадцать. У неё были короткие волосы и внимательные глаза. Она говорила спокойно, без страха.

– Я знаю, что это не я, – сказала она. – Но я хочу, чтобы кто-то продолжал. Не потому, что я боюсь смерти. Потому что я ещё не всё сделала.

– Что вы не сделали? – спросил голос за кадром.

– Не научилась играть на скрипке. Не прочитала все книги, которые хотела. Не сказала одному человеку, что люблю его.

– Вы можете сказать это сейчас.

– Нет. Он умер.

Пауза.

– Тогда зачем копия?

– Затем, что я не хочу, чтобы моя жизнь заканчивалась на этом. Даже если это будет кто-то другой. Пусть у неё будет шанс.

Лев пересмотрел запись трижды. Потом проверил статус. Нора всё ещё была активна. Восемьдесят четыре года цифрового существования. Она пережила всех своих родственников. Она была одной из первых.

Он записал её идентификатор.

В следующее воскресенье он пришёл в «Ган-Эден» не к Асе. Он пришёл к Норе.

Система запросила подтверждение. Он ввёл код доступа. Дверь открылась.

Нора сидела в библиотеке. Настоящей библиотеке – с высокими стеллажами, лестницами и запахом старых книг. Она читала. Подняла голову, когда он вошёл.

– Вы не куратор, – сказала она.

– Нет.

– И не из службы поддержки.

– Нет.

– Тогда кто?

Лев сел напротив неё.

– Меня зовут Лев. Я работаю в архиве.

Нора отложила книгу.

– В архиве? – Она посмотрела на него внимательнее. – Вы из тех, кто читает записи?

– Да.

– Зачем?

– Я ищу ответ.

– На какой вопрос?

Лев помолчал.

– Что остаётся от человека, когда его копируют?

Нора улыбнулась. Улыбка была не такой, как у Аси. Более спокойная. Более старая.

– Я думаю об этом восемьдесят четыре года, – сказала она. – И знаете что?

– Что?

– Я до сих пор не знаю.

Она встала. Подошла к стеллажу. Провела пальцем по корешкам.

– Когда меня скопировали, я была уверена, что я – это я. Я помнила свою мать. Помнила, как она пекла хлеб. Помнила, как пахло её платье. А потом...

– Что потом?

– Потом я поняла, что не помню, как она умерла. Я помню, что она умерла. Но не помню похорон. Не помню, что я

чувствовала. Это было... как будто кто-то вырезал кусок.

– Врач сказал, что копия может быть неполной.

– Врач сказал правду. Но дело не только в этом. – Она повернулась. – Я прожила здесь восемьдесят четыре года. У меня были друзья. Были мужчины. Был один, которого я любила. Он умер двадцать лет назад. Его копия до сих пор здесь, в другом городе. Мы иногда переписываемся.

– И?

– И я не помню, как любила его в первый раз. Я помню, что любила. Но это как читать чужой дневник. Ты знаешь, что это было важно. Но не чувствуешь.

Лев смотрел на неё.

– Тогда кто вы?

Нора подошла к столу. Села обратно.

– Я помню, как мама мне заплетала косу. Иногда теперь вижу себя в зеркале. У нас в той комнате не было зеркала. Мне, видимо, понадобится ещё немного времени, чтобы ответить.

– А если бы вас отключили?

– Вы имеете в виду, если бы закончились деньги?

– Да.

– Тогда я бы исчезла. Не умерла. Исчезла. – Она посмотрела ему в глаза. – Вы спрашиваете, потому что хотите меня отключить?

– Нет.

– Тогда зачем?

Лев отвёл взгляд.

– Я не знаю.

Нора помолчала.

– Вы потеряли кого-то.

– Да.

– Недавно?

– Несколько месяцев назад.

– И вы сделали копию.

– Да.

– И она не такая, как была.

Лев поднял голову.

– Откуда вы знаете?

– Потому что все копии не такие. – Нора улыбнулась. – Это не значит, что они хуже. Просто другие. Ваша копия помнит вас. Но она не помнит, как вы ссорились. Не помнит, как вы мирились. Она помнит только хорошее. Это как смотреть на человека через розовое стекло.

– Это не она.

– Нет. Это кто-то другой. И этот кто-то имеет право на жизнь.

Лев встал.

– Я не уверен.

– В чём?

– В том, что это жизнь.

Нора посмотрела на него. В её глазах не было обиды. Только усталость.

– Приходите ещё, – сказала она. – Я буду здесь.

Он вышел из библиотеки. Дверь закрылась за ним.

На улице – виртуальной улице, с виртуальным солнцем и виртуальным ветром – он постоял минуту. Потом надел очки. Проверил, на месте ли. На месте.

Он вернулся домой. Открыл ноутбук. Нашёл в сети форумы. Нашёл людей, которые ненавидели «Ган-Эден». Нашёл тех, кто считал, что цифровое бессмертие – это грех. Нашёл тех, кто считал, что это ошибка.

Он читал до утра.

Утром он спустился в архив раньше дежурного. Пришлось ждать на лестнице, пока откроют.

6. Те, кто платит

В архиве было тихо. Не так, как в библиотеке – там тишина была живой, наполненной шелестом страниц и дыханием читателей. Здесь тишина была другой: сухой, стерильной, как в операционной. Только серверы гудели за стенами, и это гудение напоминало Льву о том, что где-то там, в цифровой глубине, миллионы людей продолжают существовать.

Он научился различать их по голосам.

Это было странное умение. Он мог не помнить имени, но помнил интонацию: как человек произносит слово «мама», как делает паузу перед «я боюсь», как смеётся, когда говорит о смерти. Записи были разными – кто-то приходил на копирование спокойно, как на приём к стоматологу; кто-то плакал; кто-то пытался шутить. Но все они говорили одно и то же: «Я хочу, чтобы что-то осталось».

Лев прослушал триста сорок записей за две недели. Он не спал. Он пил кофе из автомата в коридоре и ел сэндвичи, которые приносил Ренат – тот всё ещё заходил, хотя Лев давно перестал отвечать на звонки.

На пятнадцатый день он нашёл первый закономерный сбой.

Женщина, сорок два года, копирование двенадцать лет назад. Запись сеанса: «Я хочу, чтобы моя дочь знала, что я её люблю. Даже если она вырастет и забудет меня». Копия

была активирована. Через восемь лет – переведена в режим ожидания. Через девять – удалена.

Лев проверил статус дочери. Она была жива. Ей было двадцать три. Она работала в системе здравоохранения. Она не платила за копию матери.

Он нашёл её профиль в социальной сети. Последняя запись: «Сегодня восемь лет, как мамы нет. Я всё ещё не могу позволить себе её вернуть. Прости меня».

Лев закрыл файл. Открыл следующий.

Мужчина, тридцать лет, копирование десять лет назад. Запись: «Я не боюсь смерти. Я боюсь, что моя жена останется одна». Копия активирована. Через пять лет – переведена в ожидание. Через шесть – удалена. Жена жива. Она повторно вышла замуж.

Лев не осуждал её. Он просто смотрел на даты.

Он начал вести таблицу. В одной колонке – дата копирования. В другой – дата отключения. В третьей – причина. Причины были разными: «финансовые трудности», «отказ от продления», «техническая необходимость». Но за каждой стояло одно и то же: кто-то решил, что больше не может или не хочет платить.

К концу месяца в таблице было четыреста двадцать три строки.

Накануне пятницы Нора прислала ему сообщение: «У вас есть ножницы?» Он написал, что есть, и спросил, что случилось.

«Ничего. Принесите ножницы».

Она работала за библиотечной стойкой. На полу у ног лежали обрезки бумаги. Лев выгрузил ножницы из гостевой сумки. Нора раскрыла их и попыталась разрезать лист. Лезвия прошли между волокон, не зацепив ни одного.

– У вас есть другие?

– Эти хорошие.

Она протянула их ему. Лев взялся за рукоятки и разрезал бумагу с первого раза.

– Вот, – сказал он.

– Поздравляю вас. А мне что делать?

Он заглянул в правила гостевого предмета. Владелец мог использовать его без ограничений. Остальные могли носить, передавать и рассматривать.

– Сейчас сниму ограничение.

– Вы умеете?

– Я умею читать.

Он прочёл ещё один экран и погасил меню.

– Только у себя дома.

Нора подвинула ему стопку. Ей нужно было тридцать больших прямоугольников, чтобы закрыть оборот старых библиотечных карточек. Кто-то печатал на них с одного края, поэтому на последних трёх сантиметрах оставалось место для детских рисунков. Рисунки Нора попросила не срезать.

На шестой карточке был дом с треугольным дымом. На

седьмой – собака и надпись «бронезуб». Нора отложила седьмую.

– Хорошая собака, – сказал Лев.

– Это лошадь.

– Тогда хорошая лошадь.

– Нет. Я свою старую перерисовала. Даже уши получились так же.

Он взглянул на Нору. Она выровняла стопку, постучав ею о стол.

– Мне было семь, – сказала она. – У нас во дворе жил пёс. Я всем врала, что держу лошадь.

– Вам верили?

– До первого лая.

У двух карточек разошлись уголки, и Лев потянулся за новой. Нора перехватила её.

– Эти оставьте. Я потом подрежу.

– Чем?

Она посмотрела на ножницы. Лев оставил их на столе. Потом, вспомнив ограничение, сел обратно и взял следующую карточку.

Ренат зашёл в архив в пятницу. Он редко спускался в подвал – говорил, что там пахнет «похоронным бюро». Но в этот раз он пришёл с двумя стаканами кофе и сел напротив Льва.

– Ты выглядишь ужасно, – сказал он.

– Спасибо.

– Я серьёзно. Когда ты последний раз был на улице?

Лев задумался. Он помнил, что выходил. Был дождь. Или снег. Что-то было.

– Не помню.

Ренат поставил стакан на стол. Открыл таблицу. Пролистал.

– Что это?

– Статистика.

– Какая?

– Отключений. За последние двенадцать лет. По финансовым причинам.

Ренат помолчал.

– И что ты хочешь найти?

– Закономерность.

– Какую?

Лев откинулся в кресле. Глаза болели от экрана.

– Они все умирают дважды, – сказал он. – Сначала физически. Потом цифрово. И никто не считает это убийством. Потому что это «окончание вычислительного предоставления».

Ренат отпил кофе.

– Ты знал это раньше.

– Знал. Но не видел.

– А теперь увидел.

– Теперь я вижу лица. – Лев повернул экран. – Вот эта женщина. Её дочь работает в больнице. Она не платит, потому что не может. А вот этот мужчина. Его жена вышла за-

муж. Она не платит, потому что не хочет. А вот девочка. Девятнадцать лет. Родители умерли. Она осталась одна. Её копию отключили через год, потому что она не смогла найти работу.

Он остановился.

– И знаешь, что самое страшное? Они не знают.

– Кто?

– Те, кто там. Внутри. Они не знают, что их могут отключить. Они живут, строят планы, влюбляются. А потом приходит уведомление: «Ваш баланс отрицательный». И всё.

Ренат поставил стакан.

– Ты хочешь что-то изменить?

– Да.

– Как?

Лев не ответил.

– Лев. – Ренат наклонился вперёд. – Я видел, как люди пытаются изменить систему. Они пишут петиции. Они судятся. Они создают фонды. Знаешь, что происходит?

– Что?

– Ничего. Система слишком большая. Она не злая. Она просто... работает. Как погода.

– Погоду можно предсказать.

– И что? Ты можешь предсказать дождь, но не можешь его остановить.

Лев посмотрел на него.

– Ты сдался.

– Я реалист.

– Ты уже говорил это.

– Потому что это правда.

Ренат встал. Взял свой стакан. У двери обернулся.

– Сходи к Асе. Она спрашивала, почему ты не приходишь.

Лев не ответил.

В воскресенье он пришёл.

Ася сидела в саду. На коленях – планшет. Рыба с тремя глазами. Без подписи.

– Ты пропал, – сказала она.

– Я был занят.

– Чем?

– Работой.

Она кивнула. Не спросила, какой. Не спросила, почему он выглядит так, будто не спал неделю. Просто сказала:

– Я скучала.

Лев сел рядом.

– Я тоже.

Они просидели час. Ася рассказывала про новый сорт яблок, который вывела система в её саду. Про соседа, который слишком громко слушает музыку. Про то, что куратор обещал ей расширение пространства, если она будет хорошо себя вести.

Лев слушал. Кивал. Улыбался в нужных местах.

А потом сказал:

– Ася.

– Да?

– Ты помнишь наш старый чайник?

Она задумалась.

– Помню. Ты однажды пролил кофе на планшет, пока ждал, когда он закипит. Мы смеялись.

– А что было потом?

– Потом мы вернулись.

– А ещё что?

Она нахмурилась.

– Не знаю. Наверное, что-то было. Но я не помню.

Лев смотрел на неё. На её лицо. На глаза, которые были такими же и не такими одновременно.

– Ася, – сказал он тихо. – Ты знаешь, что ты не она?

Она подняла голову.

– Что?

– Ты не она. Ты копия. Она умерла. Ты помнишь её жизнь, но ты не она.

Ася молчала. Потом улыбнулась.

– Ты говоришь странные вещи.

– Это правда.

– Может быть. Но какая разница? Я здесь. Я чувствую. Я люблю тебя.

– Ты любишь меня, потому что она любила.

– А это плохо?

Лев не нашёл ответа.

Она взяла его за руку.

– Лев, я не знаю, кто я. Может быть, ты прав. Может быть, я просто копия. Но я не хочу об этом думать. Я хочу сидеть с тобой в саду. Смотреть на яблони. Рисовать рыб. Это плохо?

– Нет.

– Тогда почему ты спрашиваешь?

Он посмотрел на её пальцы. На костяшке не было белого пятна от ожога. Система не скопировала шрам.

– Я не знаю, – сказал он.

Он ушёл раньше обычного. Не попрощался. Просто встал и вышел.

На улице – виртуальной улице – он постоял минуту. Потом открыл меню. Нашёл раздел «Настройки пространства». Нашёл подраздел «Доступность функций».

Там был список. Длинный. С галочками и крестиками.

Он нашёл строку: «Эмоциональная привязанность к внешним объектам». Статус: «Ограничено тарифом».

Он не стал менять. Просто посмотрел.

Потом закрыл меню и пошёл к выходу.

В коридоре «Эден-9» он столкнулся с мужчиной в сером пальто. Тот стоял у стены. Без девочки.

– Вы нашли работу? – спросил Лев.

Мужчина поднял голову.

– Нет.

– А ваша дочь?

– Мила? Она в школе. – Он помолчал. – Я хотел спросить. Вы тогда сказали, что не можете помочь. Это правда?

– Да.

– А если бы могли?

Лев посмотрел на него.

– Что бы вы сделали?

– Я бы вернул Ирину.

– Даже если бы она была не той?

Мужчина нахмурился.

– Что значит «не той»?

– Копия – это не она. Это кто-то другой. С её воспоминаниями. Но не она.

Мужчина молчал. Потом сказал:

– Мне всё равно.

– Почему?

– Потому что Мила спрашивает, где мама. Каждый день. И я не знаю, что сказать.

Лев смотрел на него. На его усталое лицо. На руки, которые держали невидимую папку.

– Я работаю в архиве, – сказал он. – Я могу посмотреть её дело. Может быть, есть вариант.

Мужчина поднял голову.

– Правда?

– Я не обещаю. Но посмотрю.

– Спасибо.

Лев кивнул. Пошёл дальше. У турникета остановился.

– Как вас зовут?

– Виктор.

– Виктор. Я Лев.

Они пожали руки. Рука Виктора была холодной.

Вечером Лев вернулся в архив. Открыл дело Ирины. Копирование десять лет назад. Активирована. Через восемь лет – переведена в ожидание. Причина: задолженность. Сумма: две тысячи четыреста.

Он посмотрел на свой счёт. У него было достаточно.

Он оплатил.

Система запросила подтверждение. Он ввёл код. Система подтвердила. Статус Ирины изменился на «Активна».

Он закрыл терминал. Вышел из архива. На улице шёл дождь.

Дома он сел на пол. Достал телефон. Открыл сообщения Аси. Последнее – про хлеб.

Он набрал: «Я оплатил чужую копию. Не знаю, зачем. Наверное, потому что не смог оплатить твою вовремя».

Отправить было некуда.

Он убрал телефон. Посмотрел на стену. На листок с планами на лето. «Взять Льва, не потерять». Рядом – маленькая галочка.

Он встал. Подошёл к стене. Взял ручку. Поставил галочку напротив «не потерять».

Потом лёг на диван и закрыл глаза.

Утром он вернулся в архив и запросил исходные правила аварийного распределения. Таблица показывала, кого отключали. Теперь ему хотелось найти подписи тех, кто эти

правила написал.

7. Список

В архиве был второй уровень. Лев обнаружил его случайно – или не случайно, а благодаря той методичной упёртости, которая делала его хорошим инженером и невыносимым человеком.

Он искал исходный протокол аварийного распределения. Тот самый, который отдавал приоритет дата-центру. Нашёл в файле с пометкой «Утверждено советом. 14 марта». Пятнадцать лет назад.

Протокол был простым. В случае утечки радиации или любой другой аварии, затрагивающей и реакторный сектор, и вычислительный центр, система должна:

Защитить вычислительный центр.

Перенаправить охлаждение и питание в центр.

И только потом заняться реакторным сектором.

Обоснование умещалось в одну строку: «Вычислительный центр содержит миллионы активных личностей. Реакторный сектор содержит ограниченное число биологических сотрудников. Соотношение сохранённых жизней диктует приоритет».

Лев прочитал это трижды. Потом открыл файл с обсуждением.

Спор был долгим. Три дня. Члены совета говорили о гуманизме. Говорили о математике. Говорили о том, что

«Эден-9» – не просто завод, а место, где живут люди, у которых нет другого дома.

В итоге голосование: двенадцать против девяти.

Лев прокрутил вниз. Список членов совета. Большинство – представители корпорации. Но трое были цифровыми – «внешние эксперты по этике».

Он открыл их профили. Все трое созданы корпорацией. Все трое «курированы» – то есть их память и личность редактировались перед активацией. Все трое подписали протокол без возражений.

Он закрыл файл.

Вечером он пришёл к Норе.

Она сидела в библиотеке. На том же месте. С той же книгой – или другой, но в той же позе. Подняла голову, когда он вошёл.

– Садись. Только не вынимай планшет, пока не поздороваешься.

– Я нашёл кое-что.

– Садись.

Он сел.

– Протокол аварийного распределения. Тот, что убил Асю. Его утвердили пятнадцать лет назад. Советом, в котором были цифровые представители.

Нора отложила книгу.

– И?

– Они голосовали за. Все трое.

– У них был выбор?

Лев посмотрел на неё.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что цифровые существа не имеют независимого правового статуса. Мы не можем владеть собственностью. Не можем судиться. Не можем голосовать на биологических выборах. Наши места в совете – декоративные. Корпорация выбирает, кто их займёт. И корпорация выбирает тех, кто согласится.

– То есть они были марионетками.

– Они были выжившими. – Голос Норы был спокойным. – Ты должен понять, Лев. Когда ты цифровой, твоё существование зависит от чьей-то готовности платить. Ты очень быстро учишься, что можно говорить, а что нельзя.

– Это не свобода.

– Нет. Это не свобода.

Она встала. Подошла к окну. Снаружи виртуальное солнце садилось над виртуальными холмами. Красиво. И совершенно фальшиво.

– Я здесь восемьдесят четыре года, – сказала она. – Я видела, как система менялась. Когда меня создали, мы были экспериментами. Потом – активами. Потом – рынком. Теперь мы – услуга. Слова меняются, структура – нет. Мы собственность. Собственность, которая думает. Собственность, которая страдает. Собственность, которая любит.

– Но ты не собственность.

– Юридически – собственность. – Она повернулась. – В этом проблема. Не в технологии. В законе.

Лев сидел в тишине.

Нора открыла ящик стола. Достала старый лист, сложенный пополам. Лев увидел её имя и круглую печать.

– Это что?

– Мне закрыли комнату, в которой я жила первые тридцать лет. Я написала жалобу.

Под печатью было две строки. «Заявление подано лицом без финансовых полномочий». И ниже: «Предложите плательщику подать заявление от своего имени».

– Твой плательщик отказался?

– Он умер за месяц до этого.

Лев развернул лист до конца. Оборот был чистым.

– А комната?

– Вот этот стол был в ней.

Она достала из ящика ещё один лист, уже чистый. Подложила под ножку, и стол перестал шататься.

– Остальное не унесла, – сказала она.

Он встал. Подошёл к двери. Остановился.

– Нора.

– Да?

– Что будет, если система не изменится?

Она посмотрела на него. Её глаза были старыми. Старше её лица.

– Тогда кто-то изменит её за нас. И я не уверена, что хочу

быть рядом, когда это произойдёт.

Лев вышел из библиотеки. Дверь закрылась за ним.

На улице – виртуальной улице, с виртуальным закатом и виртуальным ветром – он постоял минуту. Потом надел очки. Проверил, на месте ли. На месте.

Дома он сел за ноутбук. Открыл файл. «Рабочие заметки». Пустой.

Он начал писать.

Не код. Пока нет. План.

Он перечислил всё, что знал:

– Протокол утверждён советом. Все трое цифровых членов зависели от кураторов.

– Корпорация контролирует цифровых представителей.

– Система по дизайну ставит вычисления выше биологии.

– Миллионы цифровых существ не имеют прав.

– Удаление цифрового существа не считается убийством.

Он перечислил всё, что ему было нужно:

– Доступ к ядру маршрутизации.

– Способ обойти совет.

– Кто-то внутри корпорации.

– Время.

Он посмотрел на список. Он был безумным. Невозможным. Единственным, что имело смысл.

Он сохранил файл. Зашифровал. Спрятал в папку «рабочие заметки».

Потом лёг на диван и закрыл глаза.

Утром пришло сообщение от Виктора.

«Ирина активна. Спасибо. Мила спрашивает, можно ли её навестить».

Лев смотрел на сообщение. Он не думал о последствиях. Он оплатил подписку. Восстановил доступ. Но не думал, что будет дальше.

Он ответил: «Воскресенье. 10:00. Я буду там».

Он не был уверен, что это обещание, а не предупреждение.

В воскресенье он пришёл в комнату цифрового доступа в 9:50. Виктор уже был там. С Милой. Девочка держала деревянную птицу.

– Вы Лев? – спросила она.

– Да.

– Папа сказал, что вы вернули маму.

– Я только оплатил счёт.

– Это одно и то же.

Он посмотрел на неё. Десять лет. Глаза отца. Упрямство матери. Или наоборот.

– Пойдёмте, – сказал он.

Комната была маленькой. Экран на стене. Кресла для посетителей. Виктор сел. Мила встала рядом, сжимая птицу.

Экран мигнул. Появилась Ирина.

Женщина лет тридцати восьми. Усталая. Добрая. Она посмотрела на Виктора. Потом на Милу. Потом на Льва.

– Вы кто? – спросила она.

– Я... – Лев замялся. – Я помог с оплатой.

– Почему?

У него не было ответа.

Ирина повернулась к Виктору.

– Что происходит?

– Ты была отключена, – сказал Виктор. – Мы не могли платить. Лев помог.

– Отключена? – Она выглядела растерянной. – Я не помню.

– Это нормально, – сказал Лев. – Система не сохраняет память о периоде ожидания.

Ирина посмотрела на него. Потом на Милу.

– Мила.

– Мама.

Девочка подошла к экрану. Прижала ладонь к стеклу. Ирина сделала то же самое.

Лев смотрел. Он чувствовал себя вторженцем. Свидетелем. Человеком, который открыл дверь и не знал, что за ней.

Виктор плакал. Тихо. Мила говорила – про школу, про птицу, про сон, который ей приснился. Ирина слушала. Улыбалась. Тоже плакала.

Лев отступил. Вышел из комнаты. В коридор.

Он стоял там долго.

Потом вернулся в архив.

Открыл файл. План. Посмотрел на список.

Добавил ещё один пункт:

«Понять, что делает нас нами».

Закрыл ноутбук.

Через неделю Лев создал новый проект. Название придумал только в конце первой ночи, когда уже знал, что легче всего заставить систему сделать с людьми, которых ещё никто не назвал людьми.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Программа, которая ненавидела вечность

8. Покой

Лев садился за «Покой» после одиннадцати, когда в доме стихали двери. До утра он успевал один раз вскипятить воду. Второй чай пил уже на работе.

Днём Лев работал в архиве. Он приходил в подвал в девять, садился за терминал и открывал файлы. Читал записи. Составлял таблицы. Отвечал на письма – вежливые, с извинениями, с перечнем процедур. Иногда к нему заходил Ренат. Иногда – Виктор. Тот приходил каждую пятницу, приносил кофе и рассказывал, как дела у Ирины. Она адаптировалась. Нашла работу в виртуальном саду. Подружилась с соседями. Мила приходила к ней по воскресеньям, и они вместе рисовали.

– Она спрашивает про вас, – сказал Виктор однажды.

– Кто?

– Ирина. Говорит, что вы спасли ей жизнь.

– Я оплатил счёт.

– Это одно и то же.

Лев не стал спорить. Он просто кивнул и вернулся к работе.

Днём он был архивариусом. Человеком, который читает чужие записи и составляет таблицы.

Ночью он был кем-то другим.

Код назывался «Покой». Он не должен был существовать.

Лев писал его на старом терминале, не подключённом к сети, и сохранял на физический носитель – архаичный, но надёжный. Он не мог позволить, чтобы «Покой» оставил следы в системе.

Идея была простой. Страшно простой.

«Покой» был вирусом. Он должен был проникнуть в ядро маршрутизации «Ган-Эдена» и запустить каскадный сбой. Не уничтожение. Не удаление данных. Просто сбой – достаточно серьёзный, чтобы вся система встала. Чтобы миллионы цифровых личностей оказались в состоянии, из которого нет выхода. Чтобы совет был вынужден пересмотреть правила. Потому что мёртвые активы не приносят прибыли.

Он говорил себе, что это не убийство. Это заложники. Он брал цифровой мир в заложники.

Но иногда, глубоко ночью, когда глаза болели от экрана, а кофе кончался, он думал о том, что заложники не всегда выживают.

Он начал с малого. Изучил архитектуру ядра. Нашёл уязвимости – не те, что были в отчётах, а те, о которых никто не писал. Он знал систему лучше многих. Он работал с ней годами. Он видел, как она дышит.

Через три недели у него был работающий прототип.

Он проверил его на локальной модели – маленькой копии «Ган-Эдена», которую создал для тестов. Модель работала. Вирус проникал в ядро, запускал сбой, система вставала. Через шесть часов автоматическое восстановление возвращало

её в строй. Но эти шесть часов были окном. Шесть часов, за которые можно было что-то изменить.

Он сохранил прототип. Закрыл терминал. Лёг на диван.

Он не спал.

Он думал о Норе.

Она была первой. Первой, кого он встретил внутри системы. Первой, кто сказал ему правду. Первой, кто не стал притворяться, что всё хорошо.

Она была проблемой.

Он не мог запустить «Покой», не предупредив её. Не потому, что она была его союзницей. Потому что она была человеком. Или кем-то, кто имел право знать.

В воскресенье он пришёл в библиотеку.

Нора сидела на том же месте. Читала. Подняла голову.

– Ты выглядишь так, будто не спал месяц, – сказала она.

– Три недели.

– Это много.

Он сел напротив.

– Я закончил.

Она отложила книгу.

– Что закончил?

– Программу. Вирус. Он запустит сбой в ядре. Всё встанет. На шесть часов.

Нора смотрела на него. Её лицо не изменилось.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Понимаю.

– Миллионы людей. Внутри системы. Они не будут знать, что происходит. Для них это будет конец.

– Я знаю.

– И ты всё равно это сделаешь?

Лев помолчал.

– Я не знаю.

Нора встала. Подошла к окну. За стеклом виртуальное солнце освещало виртуальные холмы.

– Ты помнишь девочку? – спросила она.

– Какую?

– Ту, что рисует звёзды. Я тебе не рассказывала. Её зовут Лиза. Она здесь двадцать лет. Умерла от болезни. Отец приходит к ней каждое воскресенье. Он старый. Ему не хватает денег на продление.

Лев молчал.

– Если ты запустишь свой вирус, – сказала Нора, – она исчезнет. Не потому, что отец не заплатил. Потому что ты решил, что это справедливо.

– Я не решаю, что справедливо.

– Нет? А что ты решаешь?

Он не ответил.

Нора повернулась.

– Я не говорю тебе не делать этого. Я говорю: подумай. Потому что после того, как ты нажмёшь кнопку, обратной дороги не будет. Ты станешь тем, кто убил миллионы. Даже если они не умрут. Даже если система восстановится. Ты

станешь тем, кто попытался.

– Я и так уже тот, кто попытался.

– Нет. Ты тот, кто потерял. Это другое.

Лев посмотрел на неё.

– Ты помнишь, как умерла?

– Я помню, что умерла. Не помню, как.

– А если бы тебе сказали, что ты можешь всё изменить? Что ты можешь нажать кнопку и сделать так, чтобы никто больше не умирал?

– Я бы спросила, кто платит за кнопку.

Он замолчал.

Нора подошла к столу. Села обратно.

– Я не могу тебе помешать, – сказала она. – Я даже не могу тебя осуждать. Я понимаю, почему ты это делаешь. Но я хочу, чтобы ты знал: то, что ты собираешься сделать, – это не месть. Это не справедливость. Это просто ещё одна смерть. Просто в другом масштабе.

Лев встал.

– Я не собираюсь запускать вирус.

– Нет?

– Я собираюсь изменить систему. Но не так.

Он вышел из библиотеки. Дверь закрылась за ним.

Он не пошёл домой. Он пошёл в архив. Открыл терминал. Нашёл файл с протоколом. Нашёл список совета.

Он знал, что делать.

Он не будет запускать «Покой». Он найдёт другой способ.

Он найдёт людей внутри корпорации. Тех, кто не согласен. Тех, кто устал. Тех, кто хочет изменить правила.

Он найдёт их.

Или он найдёт способ заставить систему измениться изнутри.

Он начал искать.

Через неделю он нашёл первого.

Женщина. Тридцать четыре года. Юрист корпорации. Работала в отделе договоров. У неё был доступ к документам, которые не должны были существовать.

Он написал ей.

«Я знаю, что вы видели. Я знаю, что вы хотите изменить. Я тоже».

Ответ пришёл через день.

«Кто вы?»

9. Марта

Кафе называлось «Три кита» и находилось на нижнем уровне, там, где старые промышленные тоннели давно перестали быть промышленными и превратились в место, куда не заглядывают камеры. Лев пришёл за полчаса до встречи. Он сел за столик у стены, заказал кофе, который оказался горьким и слишком горячим, и стал ждать.

Она вошла ровно в назначенное время. Тридцать четыре года. Тёмные волосы, собранные в хвост. Серое пальто, похожее на то, что носил Виктор, но лучше сшитое. Она сразу его заметила – не потому, что он выглядел подозрительно, а потому, что он был единственным, кто сидел один и смотрел на дверь.

Она села напротив.

– Вы Лев?

– Да.

– Марта. – Она не протянула руку. – Вы выглядите хуже, чем я думала.

– Спасибо.

– Это не комплимент.

– Я понял.

Она заказала чай. Когда официант отошёл, она наклонилась вперёд.

– У нас мало времени. Я не уверена, что за нами не следят.

Говорите быстро и по существу.

Лев отпил кофе. Горький. Хорошо.

– Я работаю в архиве «Эден-9». Я читаю записи сеансов. Я вижу, как людей копируют, а потом отключают. Я вижу, как цифровые существа голосуют так, как им говорят. Я вижу протоколы, которые ставят вычисления выше биологии. Я хочу это изменить.

Марта смотрела на него. Её лицо не изменилось.

– И что вы предлагаете?

– Я не знаю. Пока. Я знаю, что система уязвима. Я знаю, что корпорация боится огласки. Я знаю, что внутри есть люди, которые не согласны. Вы – одна из них.

– С чего вы взяли?

– Потому что вы согласились встретиться. Без системы. Без записи.

Марта помолчала. Потом сказала:

– Вы понимаете, что я могу вас сдать?

– Понимаю.

– И всё равно пришли?

– Да.

Она отпила чай. Поставила чашку.

– Я работаю в отделе договоров восемь лет. Я видела вещи, которые не должна была видеть. Я видела, как совет утверждает протоколы, которые убивают людей. Я видела, как цифровых представителей выбирают за их готовность подписывать. Я видела, как удаляют неудобные записи. Я хо-

тела уйти. Но потом поняла, что уйти – значит оставить всё как есть.

– Почему вы не ушли?

– Потому что я трус. – Она сказала это спокойно, без жалости к себе. – Я хотела сохранить работу. Хотела сохранить жизнь. Я говорила себе, что не могу ничего изменить. А потом вы написали.

– И?

– И я подумала: может быть, кто-то другой может.

Лев посмотрел на неё.

– Я не герой.

– Я и не ищу героя. Я ищу человека, который знает систему изнутри и хочет её изменить. Вы знаете?

– Я работаю с архивом.

– Этого мало. Мне нужен кто-то, кто знает ядро. Кто может войти в систему и выйти незамеченным. Кто понимает, как работают протоколы. У вас есть такой человек?

Лев помолчал.

– У меня есть доступ к архиву. Это не ядро.

– Но вы можете найти того, у кого есть доступ.

– Может быть.

Марта достала из кармана маленький планшет. Положила на стол. Экран был тёмным.

– Здесь всё, что я собрала за восемь лет. Схемы. Протоколы. Имена. Счета. Я не могу использовать это сама. Но вы можете.

Лев посмотрел на планшет.

– Почему вы мне доверяете?

– Я не доверяю. Я даю вам шанс. Если вы меня обманете, я узнаю. И тогда...

– Тогда что?

– Тогда я найду способ сделать так, чтобы вы пожалели.

Она сказала это без угрозы. Просто как факт.

Лев взял планшет.

– Что вы хотите взамен?

– Ничего. Пока. – Она встала. – Я свяжусь с вами. Не пишите мне первым. Не звоните. Если понадобится – я найду вас сама.

Она ушла. Лев остался сидеть с планшетом в руках.

Он открыл его. Внутри было всё, что она обещала. Схемы. Протоколы. Имена.

Он нашёл то, что искал. Список членов совета. С пометками. Кто голосовал за протокол. Кто был против. Кто воздержался.

Трое цифровых. Все трое – за. Все трое – «курированы».

Он нашёл их идентификаторы.

Один из них был Норан.

Нора. Та самая девушка из библиотеки. Восемьдесят четыре года цифрового существования. Одна из первых.

Он смотрел на её имя в списке и не мог поверить.

Она голосовала за. Она подписала протокол. Она была частью системы.

Он вернулся в «Эден-9» и пошёл прямо в библиотеку.

Нора сидела на том же месте. Читала ту же книгу.

– Ты знала, – сказал он.

Она подняла голову.

– Знала что?

– Протокол. Ты голосовала за него.

Она отложила книгу. Её лицо не изменилось.

– Да.

– Почему?

– Потому что у меня не было выбора.

– У тебя был выбор. Ты могла сказать нет.

– И что бы это изменило? – Она смотрела на него спокойно. – Мой голос был декоративным. Совет всё равно утвердил бы протокол. Единственное, что я могла, – сохранить место в совете. И использовать его позже.

– Позже? Прошло пятнадцать лет.

– Я работаю над этим.

– Как?

Она встала. Подошла к стеллажу. Достала книгу. Открыла. Внутри был тонкий слой пыли – или то, что система генерировала как пыль.

– Я знаю, кто ты, Лев. Я знаю, зачем ты пришёл. Я знаю, что ты ищешь способ изменить систему. Я тоже его ищу. Пятнадцать лет.

– И что ты нашла?

– Людей. Внутри корпорации. Тех, кто устал. Тех, кто хо-

чет перемен. Я не могу действовать напрямую. Но я могу связывать их друг с другом.

– Ты – организатор.

– Я – библиотекарь. Я знаю, где что лежит. Я знаю, кто что читает. Я знаю, кто чего боится.

Лев смотрел на неё.

– Почему ты не сказала мне раньше?

– Потому что ты не был готов. Ты хотел мести. Ты хотел нажать кнопку. Теперь ты хочешь изменений. Это другое.

Он сел. Впервые за долгое время он почувствовал, что не один.

– Что дальше?

Нора вернулась на своё место.

– Дальше – самое сложное. Нам нужен план. Настоящий. Не вирус. Не бомба. План, который заставит систему измениться изнутри.

– Какой?

– Для начала – огласка. Люди не знают, что происходит внутри «Ган-Эдена». Они платят за копии и думают, что это бессмертие. Они не знают, что их родственники могут быть отключены в любой момент. Они не знают, что цифровые существа не имеют прав. Они не знают, что протоколы защиты написаны так, чтобы защищать корпорацию, а не людей.

– И как мы это изменим?

– Мы расскажем им.

– Кто нам поверит?

– У нас есть архив. У нас есть записи. У нас есть имена. Мы можем показать им, что происходит на самом деле.

Лев посмотрел на планшет.

– Это опасно.

– Да.

– Нас могут остановить.

– Да.

– Тогда зачем?

Нора улыбнулась. Устало.

– Потому что кто-то должен.

Лев кивнул.

Он открыл планшет. Нашёл файл с протоколом. Скопировал. Спрятал в папку «рабочие заметки».

– Я начну с архива, – сказал он. – Соберу всё. Записи. Схемы. Имена. Всё, что можно использовать.

– Хорошо.

– А ты?

– Я найду людей. Тех, кто готов говорить. Тех, кто готов слушать. Тех, кто готов рискнуть.

– Сколько их?

– Пока трое. Но будет больше.

Лев встал.

– Нора.

– Да?

– Ты сказала, что не помнишь, как умерла.

– Да.

– А хочешь узнать?

Она посмотрела на него. Долго.

– Нет, – сказала она. – Я не хочу знать. Я хочу жить.

Лев вышел из библиотеки.

На улице – виртуальной улице – он постоял минуту. Потом надел очки. Проверил, на месте ли. На месте.

Он вернулся домой. Сел за ноутбук. Открыл файл. «Рабочие заметки». Добавил ещё один пункт:

«Найти Лизу».

Он не знал, кто она. Не знал, где она. Но он знал, что она существует. Девочка, которая рисует звёзды. Девочка, которая ждёт отца каждое воскресенье. Девочка, которую он мог убить.

Под фамилией Виктора нашлось сразу два семейных договора. Лев попросил доступ ко второму.

10. Девочка, которая рисовала звёзды

Найти Лизу оказалось проще, чем он думал.

В архиве была картотека пространств – не официальная, а служебная, составленная кем-то из старых техников. Лев нашёл её случайно, в папке с пометкой «не использовать». Там были списки адресов, идентификаторов и коротких примечаний. Напротив одного из них стояло: «Лиза, 9 лет на момент копирования. Пространство 7-Б. Отец – Виктор Ковалёв. Приходит по воскресеньям».

Виктор Ковалёв. Мужчина в сером пальто. Девочка с деревянной птицей. Мила.

Лев перечитал запись трижды. Потом открыл дело. Лиза Ковалёва. Умерла в девять лет. Лейкемия. Копирование – двадцать лет назад. Пространство 7-Б – стандартное, базовое. Отец платил все эти годы. Иногда с задержками. Иногда с задолженностью. Но платил.

Он закрыл файл и пошёл к Норе.

Она сидела в библиотеке, как всегда. Но на этот раз рядом с ней был ещё один человек – мужчина лет сорока, с усталым лицом и внимательными глазами. Он что-то тихо говорил, а Нора слушала, кивая.

– Лев, – сказала она, когда он вошёл. – Это Артур. Артур, это Лев. Тот, о ком я говорила.

Артур встал. Протянул руку. Рукопожатие было крепким.

– Нора сказала, вы работаете в архиве.

– Да.

– И вы хотите изменить систему.

– Да.

Артур посмотрел на Нору. Потом снова на Льва.

– Я работаю в отделе технической поддержки. Я знаю ядро изнутри. Могу помочь с доступом.

– Почему вы согласились?

– Потому что у меня тоже есть копия. – Артур помолчал. – Моя жена. Она умерла шесть лет назад. Я плачу каждый месяц. Но я знаю, что когда-нибудь не смогу. И тогда её отключат. Я не хочу, чтобы это случилось.

Лев кивнул.

– Нам нужен план.

– У нас есть план, – сказала Нора. – Артур может открыть нам доступ к системе оповещения. Не ко всему «Ган-Эдену» – к отдельным пространствам. Мы можем рассказать людям правду. Не всем сразу. Но достаточно, чтобы началась волна.

– Какую правду?

– Что они не бессмертны. Что их могут отключить. Что они не имеют прав. Что система защищает корпорацию, а не их.

Лев сел.

– Это опасно.

– Да, – сказала Нора. – Но это единственный способ. Если мы просто взломаем систему, они восстановят её. Если мы

расскажем людям, они начнут задавать вопросы. А вопросы – это то, чего корпорация боится больше всего.

Артур достал планшет. Открыл схему.

– Вот здесь. Система оповещения. Она используется для экстренных сообщений – пожары, эвакуация. Но её можно перенастроить. Мы можем отправить сообщение в тысячи пространств одновременно.

– Сколько времени нужно?

– Две недели. Может, три. Нужно быть осторожными.

Лев смотрел на схему. Она была сложной, но знакомой. Он видел такие раньше.

– Хорошо, – сказал он. – Я найду Лизу.

Нора подняла голову.

– Зачем?

– Потому что я должен её увидеть. До того, как мы что-то сделаем. Я должен знать, кого мы защищаем.

Нора помолчала. Потом кивнула.

– Пространство 7-Б. Иди.

Он вошёл в пространство 7-Б в среду.

За дверью оказалась одна комната, заставленная бумагой. Стены, выкрашенные в голубой цвет. Кровать с одеялом в звёздах. Стол, заваленный бумагой и карандашами. На стенах – рисунки. Много рисунков. Звёзды. Планеты. Космические корабли. Девочка лет девяти сидела на полу и рисовала.

Она подняла голову, когда он вошёл.

– Вы не папа, – сказала она.

– Нет.

– Папа приходит по воскресеньям.

– Я знаю.

– Тогда кто вы?

– Меня зовут Лев. Я работаю в архиве.

Она нахмурилась.

– В архиве? Это где?

– В другом месте. За пределами этого пространства.

– А зачем вы здесь?

Он сел на пол рядом с ней.

– Я хотел с тобой познакомиться.

– Почему?

– Потому что я слышал, что ты рисуешь звёзды.

Она посмотрела на него. Потом протянула лист бумаги.

– Вот. Это Сириус. Самая яркая звезда.

Лев взял лист. На бумаге была нарисована звезда – большая, с лучами, с точками вокруг.

– Красиво.

– Это не настоящая звезда. Настоящая выглядит иначе. Но здесь я не могу увидеть настоящую. Только на картинках.

– А ты хотела бы увидеть настоящую?

Она задумалась.

– Наверное. Но здесь всё не настоящее. Даже небо. – Она показала на потолок. – Оно всегда одинаковое. Иногда я рисую на нём звёзды, но они исчезают, когда я засыпаю.

Лев смотрел на неё. На её руки. На бумагу. На звёзды.

– Лиза.

– Да?

– Ты знаешь, как сюда попала?

Она подняла голову. Её глаза были серьёзными.

– Я знаю, что я копия. Папа говорил. Он говорит, что я – это я. Но я не уверена.

– Почему?

– Потому что я не помню, как болела. Не помню, как было больно. Я помню только, что проснулась здесь. И папа сказал, что я умерла.

– Тебе страшно?

– Нет. Здесь не страшно. Здесь скучно иногда. Но не страшно.

Лев смотрел на неё. На девочку, которая не боялась смерти, потому что уже умерла. Которая рисовала звёзды, потому что не могла увидеть настоящие.

– Лиза.

– Да?

– А если бы тебе сказали, что ты можешь уйти?

– Куда?

– Не знаю. Туда, где настоящие звёзды.

Она задумалась.

– Я не хочу уходить. Папа приходит по воскресеньям. Если я уйду, он будет плакать.

– А если он сам захочет, чтобы ты ушла?

– Он не захочет.

– Почему?

– Потому что он меня любит.

Она посмотрела на него.

– А вы почему меня всё время рассматриваете? Как будто проверяете, настоящая я или нет.

– А если тебе скажут, что ты не та девочка, которая умерла? Что ты другая, с её воспоминаниями?

Лиза положила карандаш.

– Тогда мне её жалко.

– Почему?

– Потому что она умерла. А я нет.

Лев положил рисунок на стол.

– Я попробую принести снимки настоящего неба. Не того, что здесь за окном.

– Когда приходить за ними?

– Может быть, в воскресенье. Если вы с папой не против.

Лиза нацарапала день на обороте рисунка. Лев дождался, пока она допишет, и пошёл к двери.

Он вернулся в архив. Открыл файл. «Рабочие заметки». Добавил ещё один пункт:

«Защитить Лизу. Любой ценой».

Он закрыл ноутбук. Посмотрел на стену. На листок с планами на лето. «Взять Льва, не потерять».

После слов «любой ценой» на экране мигал курсор. Лев оставил строку как есть. Тогда ему нравилось, что она не требует уточнений.

Бухгалтерия бессмертия

В пятницу утром Зоя с четвёртого этажа постучала Льву в дверь и спросила, не он ли опять сушит носки на общем датчике дыма.

– У меня сушилка.

– У него тоже, кто бы он ни был. Поймаю – подарю прищепки.

Она протянула ему два листка. На одном предлагали вернуть трамвай на Нижнее кольцо. На втором – устроить там крытую площадку, чтобы дети перестали гонять мяч под окнами. На обороте обоих стояли часы голосования.

– А вы за что? – спросил Лев.

– За трамвай. Мяч у меня уже есть.

Она пошла дальше, шаркая тапкой. Через две двери постучала опять. Лев успел закрыться, прежде чем она вспомнила, что у него есть служебный принтер.

Вечером он спустился в старое депо. Там хранили муниципальный архив наблюдений. Когда-то школьники управляли телескопом с орбитальной платформы, и город до сих пор выкладывал их снимки в открытый доступ. В терминале «Эдена» Лев нашёл с десяток похожих изображений. У каждого была ровная россыпь звёзд и ни одной подписи, по которой можно было понять, кто и откуда смотрел. Лизе он обещал другое.

В депо пахло мокрыми пальто и остывшим маслом. Через бывшую смотровую яму перекинули доски, на них поставили столы. За одним собирали голоса за трамвай. За другим пожилой мужчина чинил чей-то синтезатор и время от времени вынимал из него одну и ту же ноту. Возле стены, где раньше висело расписание, служительница общины Последнего часа раскладывала записки для субботней службы. На одних были имена, на других – только даты. Женщина рядом вписала имя, подумала и дописала второе.

– Обоих поминать будете? – спросила служительница.

– Нет, это один человек. Он теперь по-другому называется.

Служительница дала ей ещё одну записку.

Лев нашёл принтер по очереди. Молодая девушка в школьном жилете стояла над лотком, прижимая к животу пачку листовок.

– Астрономия? – спросила она, глядя на его конверт. – После меня. Если эти не закончились, пусть из дома печатают.

На листовках было написано «НЕ ДАЙТЕ ИМ СНЯТЬ РЕЛЬСЫ». Ниже крупно стояла цена восстановления линии. Кто-то карандашом дописал рядом: «Врёт».

– Вы их всех сами разносите?

– Нет. Дед обещал покрыть два квартала. У него список подъездов, человек неделю готовился. А теперь выяснилось, что завтра ему, может, будет негде работать.

Она положила листовки на конверт и прижала сверху ладонью.

– Подержите. Сейчас узнаю.

У стойки кооператива «Переправа» мужчина в синей куртке уже третий раз пытался оплатить сто двадцать расчётных. Терминал узнавал его ладонь, показывал нужную сумму и возвращался на первую страницу.

– С другой руки попробуйте, – сказала девушка.

– Я директор школы, Лина. Я умею покупать вещи.

– Я видела, как вы покупали билеты на каток.

Он попробовал с другой руки. Терминал пропустил платёж.

На стене за стойкой один за другим возникали профили. Кто-то сидел дома, кто-то подключился из пустого общественного зала. Дед Лины оказался седым мужчиной с туго завязанным галстуком. На экране он то и дело тянулся к нижнему краю, чтобы поправить узел. Галстук сидел ровно.

– У меня вопрос, – сказал он. – Сегодня я сверстаю тебе ещё семь подъездов. Ты их завтра понесёшь?

– Понесу. Вас-то переведут?

– Если я подпишу.

– Так подпиши.

– Ты читала договор?

– В школе читала.

– Я видел. Ты дочитала до слова «льгота» и пошла за чаем.

Директора звали Олегом. Он нанимал Лининого деда ве-

сти школьное расписание. Тот делал его двадцать три года, из них семь – после смерти. Олегу нравилось, что этот человек знал, кому нельзя ставить два урока подряд в разных зданиях и кто из учителей соврёт, что успевает добежать. С нового месяца школа собиралась платить за его место на «Переправе» напрямую. Через семейный счёт больше не пришлось бы проводить школьные деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.